

ТАИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

ЕПИСКОП ДИОКЛИЙСКИЙ КАЛЛИСТ

Предлагаемый текст представляет собой перевод выступления епископа Диоклийского Каллиста (Уэра) на конференции православно-англиканской Содружества св.Албания и преп.Сергия в Дании 1 декабря 1980 года. Перевод, выполненный по изданию: «Sobonost», 1981, N 3:1, 62-69, любезно предоставлен нашему журналу Церковно-общественным вестником».

Одинокая душа, сотворенная по божественному образу, более ценна для Бога, чем десять тысяч миров со всем тем, что они содержат.

Высказывания Отцов-пустынников

ИСТИННОЕ ЧУДО

«Расскажи нам о видениях, которые ты видишь», – сказал однажды монах св. Пахомию. «Такой грешник, как я, не ждет видений от Бога, – ответил Пахомий. – Но я расскажу вам о великом видении. Если вы видите святого и смиренного человека, – вот великое видение. Ибо что может быть величественнее такого видения, когда видишь невидимого Бога, открывающегося в храме Его – в зримой человеческой личности».

Таково наивысшее видение из всех, истинное чудо: человеческое существо, сотворенное по образу и подобию Божию. «Славлю Тебя, потому что я дивно устроен» (Пс. 139: 14). В духовной жизни каждого из нас, быть может, нет более насущной задачи, чем обновить наше ощущение трепета и изумления перед чудом и тайной нашей собственной человечности.

Следует особенно подчеркнуть слово «тайна». Кто я? Что я такое? Ответ совсем неочевиден. Я знаю лишь ничтожную часть самого себя. Гра-

ницы человеческой личности чрезвычайно широки. Они простираются вширь, сквозь пространство и выходят за его пределы в бесконечность. Они простираются вперед и назад во времени и за пределы времени – в вечность. Во мне самом есть сокрытые, непостижимые глубины, ускользающие от моего понимания.

Но говоря о таинстве человеческой личности, созданной по образу живого Бога, необходимо обратить внимание на четыре важнейшие особенности ее существования: свободу, благодарение, общение, возрастание.

СВОБОДА

Бог-Творец свободен; и человек, созданный по Его образу, также наделен свободой. Что же в сущности отличает человеческое животное от других животных? Прежде всего это – самосознание, голос совести, сила свободного выбора, способность принимать нравственные решения. Если другие животные действуют инстинктивно, то человеческое животное стоит перед Богом в своей совести – в полном сознании в момент *кайроса*, то есть в момент кризиса и открытой возможности действовать – и делает **выбор**.

Бог ежедневно говорит человеку: «Жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие» (Втор. 30: 19). И только используя силу свободного выбора, человек становится действительно человеческим.

Итак, прежде всего человеческое существо следует определить как свободное животное. Этот тезис настойчиво подчеркивается Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых». Великий инквизитор признает, что Христос дал человечеству именно дар свободы: Сын Божий пришел, чтобы сделать нас свободными (Ин. 8: 36). Но в глазах престарелого кардинала эта свобода является слишком тяжелым бременем, чтобы человек мог его нести, слишком острым мечом, чтобы держать его в руках; род человеческий был бы счастливее, если бы у него отняли этот дар. «Мы исправили Твой труд», – говорит инквизитор Иисусу. В определенном смысле он, несомненно, прав: слишком часто свобода оказывается ужасным даром. И все же если человек менее свободен, он становится менее человеческим.

Жизненная важность свободы очевидна прежде всего в Деве Марии, которая, вслед за воплощенным Христом, ее Сыном, есть высший образец того, что значит быть доподлинно человеческим. В момент Благовещения архангел не просто сообщает Деве Марии о замысле Божиим, но ожидает ее свободного и добровольного ответа: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему» (Лк. 1: 38). Она могла отказаться. Бог вопрошает устами архангела, но готовность Марии к сотрудничеству также необходима. Она не просто пассивное орудие, но активный участник деяния искупления. Ее ответ ни в коем случае не является заранее запланированным выводом, и от этого свободного ответа зависит все будущее человеческой истории.

В мире, который становится все более дегуманизированным, который все больше управляется психоанализом, статистикой и машинами, хри-

стианам насущно необходимо настаивать на высшей ценности человеческой свободы. Во всей вселенной нет ничего более значимого, чем свободные акты выбора, которые совершают наделенные разумом и совестью люди. Как человеческие существа мы обусловлены окружающей нас средой и нашими неосознанными мотивами, но мы никогда не бываем поработаны до состояния отсутствия выхода. Мы остаемся свободными. Бог каждого из нас поставил на этой земле царем, которому вверено владычество над всеми живыми существами (Быт. 1: 28). Не будем же от малодушия или отсутствия воображения отказываться от этого царского достоинства.

Из этого следует важный вывод: свобода означает разнообразие, инаковость. Поскольку каждый из нас свободен, каждый выражает божественный образ собственным, уникальным и неповторимым путем. И каждый, будучи уникальным, обладает тем самым бесконечной ценностью: он цель, а не просто средство для достижения некоей цели.

Наша современная культура поощряет нас мыслить в терминах того, что можно соразмерять, статистически классифицировать или «программировать» с помощью компьютера. Как христианские гуманисты мы должны сделать все, чтобы не поддаваться этой тенденции. Мы обязаны подниматься над тем поверхностным уровнем, на котором человеческие существа воспринимаются только в массе, и обращаться к подлинно личностному уровню, где никто не может рассматриваться как помеха, и каждый остается непредсказуемым.

Бог, сотворив всех нас свободными, делает каждого из нас отличным, *другим*; и носители Духа – святые, которые только и раскрывают нам истинные черты человеческого животного, всегда являли собой поразительное разнообразие. Монотонна не святость, а зло.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Созданное по божественному образу, наделенное самосознанием и нравственным выбором, человеческое животное не просто пребывает в мире и пользуется им, как это делают другие животные. Человеческое животное может также прославлять Бога за дарованный Им мир, возводить творение к Богу – с благодарением. И в этом акте приношения каждый становится истинным человеком, личностью в полноте.

Таков второй существенный аспект нашей человечности: человеческое существо – это не только *свободное* животное, но и *евхаристическое* (то есть приносящее благодарение) животное. Каждый из нас является и царем, и священником.

Этот момент можно вновь проиллюстрировать цитатой из Достоевского. Герой, или, точнее, антигерой говорит в «Записках из подполья»:

«Господа, допустим, что человек не глуп... Но если он не глуп, он чудовищно неблагодарен; это то же самое. Он феноменально неблагодарен. Я даже думаю, что лучшее определение человека таково: это творение с дву-

мя ногами и отсутствием чувства благодарности...

Только человек может произносить проклятия: это его привилегия, именно то, что отличает его от всех остальных животных».

Это, без сомнения, верно в отношении падшего человека, человека, отворотившегося от Бога. Но если речь идет о человеке, которого первоначально соби́рался сотворить Бог, или о человеке, искупленном во Христе, то эти заявления должны пониматься именно в обратном смысле. Лучшим определением человека, его основной чертой, которая делает его человеком, является благодарность или признательность. Человека отличает от всех других животных привилегия его, как священника и царя, благословлять Бога и испрашивать благословение Божие для других лиц и вещей.

Как и прежде, Матерь Божия при Благовещении может послужить образом и примером. Получив послание архангела, она отвечает благодарением: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался Дух Мой о Боге, Спасителе Моем» (Лк. 1: 46-47). Ее отношение олицетворяет радость, Евхаристию (т.е. благодарение), славословие.

Итак, если мы призваны к истинной человечности в нашей внутренней жизни, наша молитва должна быть проникнута духом благодарности. «Молитва есть состояние постоянной благодарности», – говорит св. Иоанн Кронштадтский; а преп.Иоанн Лествичник пишет: «Сердечная благодарность должна занимать первое место в нашей молитве. Затем должно быть исповедание и сокрушение души, а после этого – наши прошения ко Вселенскому Царю».

Благодарение, покаяние, прошение – такова основная последовательность молитвы. Нам не следует начинать с исповедания наших грехов. Прежде, чем обращаться к собственному уродству, мы должны с благодарностью обратить внутренний взор вовне и ввысь – к славе Божией. Вот почему суточный цикл богослужений в Православной Церкви начинается с вечерни: с чтения или пения 103-го псалма, прославляющего Бога за дело творения:

«Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик. Ты облечен славою и величием (...) Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал ты премудро».

Божественная литургия также начинается не с покаяния, а с благословения: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа...»

ОБЩЕНИЕ

Человек не только свободное и евхаристическое животное, но и животное *социальное*. Это его третья отличительная черта. Он есть, по выражению Аристотеля, «политическое животное», ибо становится вполне самим собой, истинно человеческим, только если живет в «полисе», в упорядоченной социальной общине. Даже отшельник должен готовиться к одиночеству, живя поначалу общинной жизнью в монашеском братстве. Человек – диалогичен: по словам одного мыслителя, «не может быть человека,

если нет по меньшей мере двух человек, пребывающих в общении».

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1: 26). «Сотворим человека»: в толковании греческих св. Отцов, здесь словно три Лица Святой Троицы советуются друг с другом.

Человеческие существа сотворены по образу Троицы, т.е. по образу Бога, Который не просто Един, но Един в Троице. Поэтому человек призван выражать себя в сообществе, или в общении, как это имеет место в Боге. Бог – не изолированная монада, но союз трех Лиц, пребывающих друг в друге благодаря движению неиссякающей взаимной любви. Также и человек становится полностью самим собой – полностью человеческим, в согласии с божественным образом – только когда он живет в других и для других. Мы становимся человеческими, разделяя нашу жизнь друг с другом.

Соответствующую иллюстрацию можно снова найти у Достоевского. В «Братьях Карамазовых» приводится народная сказка о злой старухе, которая очнулась после смерти и оказалась в горящем озере. Ее ангел-хранитель, стараясь всеми силами помочь ей, смог вспомнить только одно доброе деяние в ее жизни: однажды она подала луковицу из своей кухни нищей. Итак, он взял луковицу, протянул ее женщине и начал вытаскивать из озера. Но она не была единственным человеком в озере; и когда другие увидели происходящее, они собрались вокруг них и вцепились в нее в надежде, что их также вытащат из озера. С тревогой и возмущением старуха стала отбиваться от них. «Пошли прочь, – кричала она, – вытаскивают меня, а не вас. Это мой лук, а не ваш». И только она это сказала, луковица, не выдержав, разлетелась пополам, и старуха вновь упала в озеро, где и продолжает гореть по сей день.

Если бы только она сказала: «Это наша луковица», – может быть, этого оказалось бы достаточно, чтобы вытащить всех их из огня? Но как только она сказала: «Это мое, а не ваше», – она опустилась ниже человечности. Отказываясь поделиться, она отвергла свою человеческую личность.

Подлинной человеческой личностью, верной образу Божию в Троице, всегда является тот, кто говорит не «я», а «мы», не «мое», а «наше». Молитва, которой Сын Божий научил нас, начинается «Отче *наш*», а не «Отче *мой*». Отличительной особенностью апостольской общины иерусалимских христиан было именно тесное взаимообщение: «И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и молитвах... Все же верующие были вместе и имели все общее» (Деян. 2: 42-44). Как отчаянно мы, христиане, девятнадцать столетий спустя нуждаемся в восстановлении этого чувства общины, в том, чтобы вновь научиться делиться...

Образцом для нашей сопричастности опять может послужить Дева Мария. Получив послание Благовещения, она «с поспешностью пошла в нагорную страну», чтобы поделиться благой вестью со своей двоюродной сестрой Елисаветой (Лк, 1: 39-40). Отметим поспешность, ощущение срочности: она чувствовала, что не могла сохранить новость только для себя.

Как показывает притча об овцах и козлищах (Мф. 25: 31-46), критерием божественного суда в момент второго пришествия Христова будут не внутренние чувства и помыслы, видения и экстатические состояния. Меня не будут спрашивать об аскетических упражнениях, постах и коленопреклонениях. Но меня спросят: «Накормил ли голодного? Посетил ли узника и больного? Принял ли странника в своем доме?» Это все, о чем меня спросят. Иными словами, как я относился к другим человеческим существам: поделился ли я с ними? Был ли я просто *индивидуумом*, обращенным на самого себя? Или же я был настоящей *личностью*, живущей в общении с другими?

Не случайно греческое слово *просопон*, означающее *личность*, означает также «лицо». Я – живая личность и отличаюсь от индивидуума, только когда я обращен к лицам других, смотрю в глаза другим и позволяю им смотреть в мои глаза. Святой Дух, пребывающий в наших сердцах, есть Дух общения: делая каждого из нас отличным от других, он делает всех нас едиными.

Мы, христиане, живущие а обществе, которое становится все более холодным, все более – сообществом одиночеств, призваны утверждать высшую ценность непосредственной встречи лицом к лицу, соприкосновения личностей, обращая внимание на смысл и значение личного общения. Мы не должны позволить машинам взять верх.

Есть анекдот о человеке; который пришел к психиатру. Психиатр сказал: «Мне легче концентрироваться, когда я не вижу ваше лицо. Лягте на кушетку, а я сяду в углу за занавеской». Через некоторое время посетитель забеспокоился, потому что в углу было подозрительно тихо. Он встал с кушетки и заглянул за занавеску. Он увидел стул, а позади него дверь. Но психиатра на стуле не было, а был только магнитофон. Посетитель был смущен. Он неоднократно рассказывал свою историю разным психиатрам и записал ее на магнитофон. Итак, он достал из своего портфеля магнитофон, положил на кушетку и включил. Потом он спустился вниз и зашел в бар выпить кофе. Там уже сидел психиатр. Пациент подсел к нему за столик. «Но послушайте, – запротестовал психиатр, – вас здесь не должно быть: вы должны лежать на кушетке и рассказывать свою историю». «Все в порядке, – ответил пациент, – мой магнитофон беседует с вашим магнитофоном».

РОСТ

Такова истинная человеческая личность: свободная, евхаристичная, социальная. Личность, которая, по примеру старца Зосимы у Достоевского, чувствует себя «ответственной за всех и за вся». Но к этим трем чертам следует добавить четвертую: рост, движение вперед, постоянный прогресс. «Возлюбленные! Теперь мы дети Божии; но еще не открылось, что будем» (1 Ин. 3: 2). Человеческое животное – не статично, но динамично. Человек – паломник, путешественник, *homo viator*.

Динамический аспект человеческой личности иногда выражают через

различение *образа* и *подобия* Божия. Первоначально автор *Бытия*, когда писал «по образу Нашему» и «по подобию Нашему», вероятно, не собирався противопоставлять эти два термина; они просто воспринимались как параллельные. Но многие греческие Отцы Церкви, в частности, св. Ириней, Ориген, св. Максим Исповедник и св. Иоанн Дамаскин, считают, что они различны по значению. Согласно их экзегезе, *образ* означает то, чем человек обладает изначально и что он, несмотря на грехопадение, никогда не может утратить полностью, тогда как *подобие* указывает на нашу окончательную цель, на полноту нашего освящения и жизни в Боге – «теозис», или *обожение*.

Образ является изначальным даром, сообщенным человеку при сотворении; подобие же является его окончательной целью, которой следует достигать путем правильного осуществления человеческой свободы, всегда с помощью благодати Божией. Образ соотносится с подобием как потенциальность с реализацией, или исходный пункт с конечным. Образ не самодостаточен, но устремлен вперед, всегда направлен к своему исполнению в подобии. Человек-странник всю жизнь пребывает в странствовании от образа к подобию.

Христианские писатели порой говорили об «изначальном совершенстве» рода человеческого в Раю. Согласно этой точке зрения, Адам при сотворении был наделен всей возможной полнотой святости и знания. Сегодня нам чрезвычайно трудно признать такое представление значимым. Важно поэтому помнить, что на самом деле подобная точка зрения на состояние человека до грехопадения была далеко не единственной в раннехристианской традиции. Существовал и другой подход, – с ним мы встречаемся, например, у таких авторов II века, как Феофил Антиохийский и Ириней, – который гораздо лучше подходит к динамичному различению между образом и подобием. Как полагают эти авторы, человек после сотворения был подобен ребенку, совершенному не столько актуально, сколько потенциально. Он не был облечен осуществленной полнотой мудрости и праведности, а только пребывал в состоянии простоты и невинности. «Он был ребенком, который не обладал еще совершенным пониманием, – утверждает Ириней. – Ему предстояло вырасти и таким образом достичь своего совершенства». Бог Творец направил стопы Адама на правый путь, но перед ним еще лежала долгая дорога к конечной цели его странствования. *Homo viator* странствует не по замкнутому кругу, а по наклонной плоскости – вверх.

Это становится вполне ясным в свете Воплощения Христа. Восприняв наше человечество в воплощении и «обожив» его через Преображение, Воскресение и Вознесение, Логос (Слово Божие) ввел во вселенную новый элемент, более полное измерение, которого в ней не было изначально. Он не просто восстановил *образ*, но придал более широкие возможности *подобию*. То, что в конце, – больше начала; эсхатология – это не просто археология.

И это еще не все. Св. Григорий Нисский в своем «Житии Моисея» говорит, что прогресс и постоянное возрастание человека (св. Григорий употребляет термин *epektasis*, что означает движение для достижения того, что находится впереди; см. Флп. 3: 13) будет продолжаться непрерывно не только в течение этой жизни, но и в вечности – в будущем веке. Не только на земле, но равным образом и на небесах возрастание является неотъемлемой чертой человеческой личности. Поскольку Бог бесконечен, то, как полагает Григорий, искупленное человечество никогда не прекратит все полнее и полнее приобщаться к безграничной славе и любви Божией. Наше знание о Нем, которое постоянно возрастает, никогда не станет исчерпывающим. Как это ни парадоксально, сущность совершенства состоит в том, что мы никогда не станем совершенны, но всегда будем восходить «от славы в славу» (2 Кор. 3: 18). По словам Жана Даниэлу, «всякое завершение – не что иное, как начало, и всякое прибытие – пункт отправления». По мнению св. Григория, всякий предел предполагает запредельное, всякая граница – самопревосхождение. Вечность, как и история, это не замкнутая окружность, а линия, ведущая вверх; это не геометрическая точка, а постоянно восходящая спираль.

Вот что значит в полноте быть человеком: делать выбор, благодарить, делиться, возрастать. *Gloria enim Dei vivens homo*, – утверждает св. Ириней: «Слава Божия есть живой человек». Пусть каждый стремится более полно явить эту славу в себе самом. Пусть каждый больше уподобится Богу, все более становясь человеком.

Перевод М.Воскресенского